

Бекман Роман – родом ливонец, служил толмачем и послом России в конце XVI и начале XVII веков для переговоров с иностранными государствами. В первый раз (при Иване Грозном) был послан в качестве переводчика в Англию в свите посла Федора Писемского в августе 1582. Посольство это имело двоякую цель: одну политическую – искание наступательного союза с Англией против Польши, а другую - личную Ивана Грозного, сватовство на племяннице Елизаветы – Марии Гастингс. Не добившись ничего, Писемский вернулся на следующем году в Москву. С ним вместе прибыл в Москву и английский посол Боус, которому было поручено: «отклонить как союз Елизаветы с Иваном, так и брак царя на Марии», и в то же время выхлопотать у него право исключительной и беспошлинной торговли Англии с Россией. Не могла, конечно, такая миссия Боуса иметь успеха в Москве; она напротив поставила его в самое неприятное положение. Помимо гнева царского, он много терпел от дьяков и «кормовщиков», и по смерти Ивана даже находился в заключении. Царь Федор отпустил его на родину, снабдив грамотою на право торговли Англии с Россией. Но озлобленный Боус бросил эту грамоту в Холмогорах. Тогда-то вторично отправили в Англию «в легких гончих» толмача **Бекмана** (совместно с гонцом Е.Ульяновым), с одной стороны, с жалобой на Боуса, а с другой, для улажения торговых сношений. Это произошло в 1584 году. Вследствие жалоб Боуса королева долго не принимала **Бекмана**, наконец приняла и спросила: "Для чего нынешний государь ко мне не так любовен как был отец его? Всяким людям иных земель велит на Русь ездить торговать, а моим людям для чего не велит?" **Бекман** отвечал, что такого запрещения нет. Тогда призван был Боус, и Елисавета спросила его: зачем он ей сказал, что царь не велит англичанам ездить торговать в его землю? Боус отвечал, что он не то говорил, говорил он, что с других иноземцев пошлин не берут, а с англичан берут. **Бекман** возражал: "Это неправда: с англичан берут половинную пошлину, а с других полную, и если б Боус государевых грамот в Холмогорах не покинул, то ты бы, государыня, подлинно проведала, какую нынешний государь хотел держать к тебе любовь, больше старого". **Бекмана** отпустили с грамотою, в которой Елисавета соглашалась позволить русским купцам торговать в Англии, с условием, чтоб царь дал Английско-Русской компании право исключительной торговли в своих областях. Но при отпуске Бекман не был допущен к Елисавете. Этим оскорбились в Москве, и приговорил государь с боярами отписать к королеве Елисавете с вычетом о после ее и о гостях и что толмача **Бекмана** не по-пригожу отпустил дьяк ее, а не сама она, о том подлинно выписать, а грамоту послать с англичанином, В грамоте говорилось: "Дело не схожее указывать нам в наших государствах - тому торговать, а иному не торговать; гости твои бьют тебе челом не по делу, хотят одни корыстоваться, а других мимо себя пускать не хотят; в наших государствах с божиею помощию всяких товаров довольно и без твоих гостей, государства наши великие и людей в них, и всяких товаров много". Елисавета прислала грамоту к Годунову, в которой называла его кровным любительным приятелем, как переводили в Москве. В грамоте к царю Елисавета оправдывала поведение посла своего Боуса тем, что его очень рассердили, приказывая снимать меч при входе к царю: "Такое недоверие нас очень опечалило, - писала Елисавета, - в наших землях это великое бесчестие, когда велят меч снять, и за такое бесчестие в сердце нашего посла великая кручина была, и что ни делал, все с кручиною. А теперь сказал нам Горсей, что меч отнимают у послов по вашему обычаю, как у вас всегда ведется в царстве, и мы, узнав это, перестали кручиниться и надеемся, что между нами будет вечная любовь". Горсей сказал Елисавете, что в Москве недовольны тем, что она приняла **Бекмана** в саду, который он назвал огородом; королева писала об этом царю: "Место, где **Бекман** был перед нами, есть место честное, близко нашей палаты, и туда никого не пускают, только великих и любительных слуг для чести, и в огороде этом нет ни луку, ни чесноку; Бекман сказал неправду. Так пригоже тебе **Бекмана** гонца за его лживые и бездельные ссорные слова не только понаказывать, и побить пригоже". Годунов оправдал надежды своей кровной любительной приятельницы: в 1587 году позволено было английским купцам торговать вольною торговлею, пошлины с их товаров - таможенной, замытной, свальной, проезжей, судовой, с голов, мостовщины, перевозов - брать не велено. Сношения возобновились по делу англичанина Антона Мерша, который набрал в долг денег у Годунова, бояр, служилых людей, у купцов, монахов и объявил, что эти деньги на общий расход, в общие товары; но товарищи его

отказались платить долги, объявили, что Мерш брал деньги без их ведома, на себя. Годунов в 1588 году велел известному уже нам **Бекману** отвезти этого Мерша в Англию. Королева не скоро приняла **Бекмана**: "Я долго не пускала тебя до своих очей, - сказала она ему, - потому что была нездорова, очень грустила о смерти своего дворецкого (графа Лейстера); да великая досада была у меня на тебя за то, что ты в речах своему государю применил наш потешный сад к капустному огороду, где сеют лук да чеснок; за такое дело ты достоин был пени, но мы тебе не мстили". **Бекман** отвечал: "Бью челом вашему величеству, вели безопально выговорить". Елисавета позволила, и **Бекман** стал говорить: "Я этого не думал, не только что не говорил, в чем бог свидетель; если в царской грамоте об этом написано, или кто сможет на имя довести, то я у вашего величества милости не прошу, хочу за мою вину терпеть наказание; нанес на меня это лихой человек, который хотел моей доброй славе поруху учинить, и я надеюсь, что тот камень упадет на его голову". Елисавета отвечала, что она об этом деле забудет. Мерш, позванный к допросу, объявил, что он заплатил деньги, взятые им из царской казны; в частных долгах - в одних винулся, в других запирался и сказал, что его собственных денег задержано в Москве 15000 рублей. Когда лорд казначей сказал об этом показании Бекману, тот отвечал, что надобно верить царской грамоте, а не бездельным речам Мерша. "Это правда, - возразил казначей, - но зачем было Мершу давать такие деньги? Он был гость небольшой, скорей был простой слуга у гостей, а большие гости кабал не подписывали". **Бекман** отвечал: "Мерш был на гостином дворе, покупал, продавал, деньги занимал и сам в долг давал, не как слуга, а как большой гость, на котором все положено; сверх того, он умеет по-русски читать и писать, и ваши большие гости не объявили, что ему не верить". Еще до возвращения **Бекмана**, осенью 1588 года, приехал в Москву посол от Елисаветы - Флетчер. Он объявил царю, что с королевною Елисаветою многие государи в братстве, дружбе и любви, но ни с кем не имеет она такой дружбы и любви, как с ним, царем. (С.М.Соловьев)

В 1588 **Бекман**, в качестве посла, опять едет в Англию по делу англичанина Антона Мериа, задолжавшего Годунову, боярам, гостям и др. в общий счет «гостей английских», которые отказывались платить за него, более 20 тысяч рублей. И в последний раз был отправлен Борисом Годуновым в 1601 году в г. Любек для приглашения в царскую службу: врачей, рудознатцев и других мастеров.

Бекман Роман, из шведов, во времена Ивана Грозного был приглашен толмачом в посольский приказ. Выказав недюжий ум и радение, он при Борисе Годунове назначается русским послом в Англии. Много стараний приложил для развития торговли, заботясь о процветании страны, ставшей ему родиной, приглашал на работу в Россию английских и немецких металлургов, рудознатцев.

Бекман Елизар (Бекман Елизар Роман Рейнгольд, нем. Eleasar Beckmann) — ливонец на русской службе в конце XVI — начале XVII веков. Несколько раз его посылали в Англию, сначала переводчиком, потом посланником. В 1600 царь Борис Годунов отправил его в Любек для приглашения в Россию врачей, рудознатцев, суконников, часовых и золотых дел мастеров, др. ремесленников.

15 декабря 1584 в Англию отправился гонец толмач **Рейнгольд (Роман) Бекман** с официальным заявлением о смерти царя Ивана Грозного и вступлении на престол нового государя Федора Ивановича.

В декабре 1584 г. правительство царя Федора послало в Англию гонца Бекмана (ливонца по происхождению) с жалобой на действия Д. Боуса. В грамоте от 9 июня 1585 г. Елисавета наряду с несколько запоздалым соболезнованием по поводу смерти Ивана IV (Бекман вернулся в сентябре) выражала надежду на продолжение добрых отношений между странами. Королева просила возобновить все торговые привилегии, которыми пользовались англичане при Иване IV, и уклончиво говорила о деятельности Боуса. Еще раньше для ревизии Московской компании из Лондона послан был специальный агент Роберт Пикок. С целью скрыть

махинации компании и отвести нависшую над ней угрозу в сентябре 1585 г. в Англию отправился один из ее наиболее энергичных членов - Д. Горсей. В грамоте царя Федора, которую он вез, Пикок обвинялся в тайных сношениях с Литвой, а деятельность компании была полностью реабилитирована.

Одним словом, Дания снова искала нашей дружбы, уже не мысля препятствовать морской торговле России с Англиею. Сия важная торговля едва было не прервалась от взаимных досад Английского и нашего Правительства. Мы жаловались на обманы Лондонских купцов и требовали с них около полумиллиона нынешних рублей, взятых ими в долг из Царской казны, у Годунова, у Бояр и дворян; а купцы запирались в сем долге, слагали его друг на друга и жаловались на притеснения. Царь (в 1588 году) вторично посылал **Бекмана** в Лондон для объяснения с Елисаветою, которая долго не могла видеть его, оплакивая смерть человека, некогда милого ее сердцу: графа Лейстера; наконец приняла толмача Российского с великою милостию: отошла с ним в угол комнаты и беседовала тихо; пеняла ему без гнева, что он, года за четыре перед тем гуляв и беседовав с нею в саду, будто бы в донесении к Царю назвал сие увеселительное место низким именем огорода; спрашивала о здоровье Годунова; уверяла, что все сделает из дружбы к Феодору, но объявила новые требования, с коими приехал в Москву доктор Флетчер. Сей более ученый, нежели знатный Посланник именем Елисаветы предложил нашей Думе следующие статьи: "Королева желала бы заключить тесный союз с Царем; но океан между ими: дальность, препятствуя государственному союзу, не мешает однако ж любви сердечной: так отец Феодоров, Государь славный и мудрый, всегда являл себя истинным братом Елисаветы, которая хочет быть нежною сестрою и великого сына его. Сия любовь, хотя и бескорыстная, питается частыми сношениями Венценосцев о делах купеческих: если гостей Английских не будет в России, то Королева и не услышит о Царе; а долговременная безвестность не охладит ли взаимного дружества? Для утверждения сей, ее сердцу приятной связи, Королева молит Царя, чтобы он указал: 1) основательнее рассмотреть дело о сомнительном долге купцов Лондонских; 2) судить их только великому Боярину Годунову, благотворителю Англичан; 3) давать им, как было в Царствование Иоанново, свободный путь из Москвы в Бухарию, в Шамаху и в Персию, без задержания и без всякого осмотра товаров в Казани и в Астрахани; 4) Царским сановникам не брать у них ничего силою, без платежа денег; 5) отменить всякую заповедь в товарах, покупаемых Англичанами в России; 6) способствовать им в отыскании земли Китайской, давать вожатых, суда и лошадей на всех дорогах; 7) без письменного вида от

Елисаветы не пускать никаких гостей в пристани между Варгавом и Двинским устьем, ни в Новгород; 8) денежным Российским мастерам беспошлинно переливать ефимки для купцов Лондонских; 9) ни в каких преступлениях не пытаться Англичан, но отсылать к их старосте или прикащику, или в Англию для казни; 10) никого из них не беспокоить в рассуждении Веры. - Сим докажет Царь любовь к Елисавете".

Из донесения о поездке в Москву в 1598 году посла Михаила Шиля, придворного римского императора Рудольфа 2-го:

11-го Сентября пришел ко мне Великокняжеский Главный Дьяк, по имени Андрей Иванович, с Немецким переводчиком, **Рейхардтом Бекманом (Reichardt Beckmann)**, рассматривали два письма Вашего Императорского

Величества (*Рудольфа II*) к Великому Князю. 7-го Октября опять приходил ко мне переводчик **Рейхардт Бекман**, спрашивал меня от имени Верховного Государственного Канцлера, Василья Яковлевича Щелкалова, нет ли со мной чего-нибудь от Вашего Императорского Величества для подарка Великому Князю, но я отвечал на это переводчику, что, по случаю великой опасности от Поляков, в теперешнее время мне ничего не было дано; есть только у меня двое своих боевых часов; если они понравятся Г. Великому Канцлеру и не очень плохи для подарка, я с охотою отдам их. Переводчик дал знать мне, что об этом сообщит он Великому Канцлеру. 16-го того же месяца Переводчик явился опять с уведомлением, что они понравились Великому Канцлеру. 29-го приходил ко мне переводчик Бекман с уведомлением, что Г. Великий Канцлер

придумал другое на счет подарков: не прилично дарить что-нибудь от имени Вашего Императорского Величества, потому что на это я не имею никакого от Вашего Величества приказания: пускай эти подарки будут от моего имени. 6-го Ноября принес мне переводчик **Рейхардт Бекман** наставление, как я должен на представлении поздравить Великого Князя от Вашего Императорского Величества, и пожелать ему счастья в начале его правления. 13-го в ночи приходил переводчик, **Рейхардт Бекман**, с самым доверенным служителем Г. Великого Канцлера. Они принесли мне подарки, которые, вместе со своими двумя часами, я должен поднести Великому Князю: это были два высокие красивые вызолоченные кубка и две прекрасные цепочки. Мне велено было одну цепочку, кубок и одни мои часы, подарить Великому Князю, а другие часы, кубок и цепочку — молодому Царевичу. 14-го того же месяца приходил назначенный ко мне Пристав и объявил, что на другой день увижу ясные очи Великого Князя и буду у него на представлении. 15-го очень рано утром приходил ко мне переводчик **Рейхардт Бекман** с извещением, что хоть вчера мой главный Пристав и объявил мне о представлении Великому Князю, только нынешнего дня оно ни как не может состояться. Канцлер говорил с похвалою, какую великую и высокую милость оказала Святая Троица всей земле Русской, что поставила ей Царем, Великим Князем и Государем, Бориса Федоровича (Годунова).

ДЖЕРОМ ГОРСЕЙ. ПУТЕШЕСТВИЯ СЭРА ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ.

Рассказ или Воспоминания сэра ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ, извлеченные из его путешествий, занятий, служб и переговоров, в которых он провел большую часть из восемнадцати лет, собранный и записанный его собственной рукой.

Однажды королеве было угодно завести серьезный разговор о Борисе Федоровиче, князе-правителе, о его величии и правлении, о царице и о его супруге; она задавала много вопросов, а в конце пожелала иметь один из парадных уборов, что стоило моему кошельку больше, чем я приобрел; [она расспрашивала о том], какие пути убеждения и удачной политики можно найти, чтобы этот князь, не оставлял намерения доверить ее величеству сохранность своего богатства и проч. Я отвечал и просил, чтобы все это хранилось в глубокой тайне, так как некоторые другие поручения, возложенные на меня [ранее], были разглашены не мной, но достигли вскоре ушей князя и царя, что вызвало великую немилость и недовольство настолько, что было послано несколько гонцов (messengers) - Бекман, Кроу и Гарленд - узнать, как появился этот слух, кто и что говорил; это привело к большим неприятностям и большому недовольству как по отношению ко мне, так и к другим более видным лицам, все это не должно обсуждать, а тем более публиковать. Да простит бог одному из тех, кто распускал эти слухи,- сэру Джерому Баусу. «Хорошо, - сказала королева, - пусть будет правда открыта». - «Ради бога, нет! Если ваше величество желает, чтобы мое будущее поручение было успешно выполнено, пусть об этом нигде больше не упоминают».

ЖИЛЬС ФЛЕТЧЕР О ГОСУДАРСТВЕ РУССКОМ OF THE RUSSE COMMON WEALTH

Сочинение Флетчера «О государстве Русском» написано в период очередного острого конфликта между Англией и Россией. Незадолго до приезда Флетчера в Москву английская торговая «Московская компания» в 1586 г. получила привилегию на значительные льготы, включая право на беспошлинную торговлю. До этого пошлины составляли значительную по тем временам сумму — 2000 фунтов стерлингов в год. Англичане не были вполне удовлетворены, поскольку добивались еще монополии в торговле через все северное побережье России до устья Енисея. Как раз в это время английский купец Антоний Марш, служащий компании, от ее имени набрал в долг денег у бояр, служилых людей, купцов, монахов и даже у самого Бориса Годунова. Всего более 23 тыс. рублей. Сумма по тем временам огромная. Марш

говорил, что эти деньги нужны на общие расходы и товары компании. Когда же пришло время платить долги, его товарищи объявили, что он брал деньги без их ведома и что долги эти — личное дело самого Марша. Борис Годунов с жалобой на компанию отправил в Лондон своего посла **Романа Бекмана**, а вместе с ним и неудачливого коммерсанта Марша. Правительство королевы Елизаветы I приняло сторону компании и еще до возвращения **Бекмана** послало в Москву Дж. Флетчера.

Юзефович Л. Путь посла. Издательство Ивана Лимбаха 2007

Через четыре года бояре грозили Средней лестницей польскому посольству Я. Скратошича, а в 1588 г. по ней шел на прием к Федору Ивановичу английский дипломат и ученый Джильс Флетчер, автор знаменитого сочинения "О Государстве Русском". Это явно не случайность. Незадолго перед тем царский гонец **Роман Бэкман** (ливонский дворянин) был "невежливо" принят в Лондоне королевой Елизаветой I; кроме того, против английских купцов интриговали в Москве их голландские конкуренты, небескорыстно опекаемые главой Посольского приказа дьяком А. Я. Щелкаловым. В другое время до Средней лестницы дело, может быть, и не дошло бы, но после смерти Грозного русско-английские отношения вообще резко ухудшились. Поэтому Флетчеру не устроили "встречу" перед московским посадом, а в Кремле заставили спешиться необычайно далеко от дворца (у Архангельского собора Кремля). Короткий путь по Средней лестнице - еще одно из церемониальных унижений, которым его подвергли, хотя сам он, возможно, этого и не осознал.

В 1598 году преемником Иоанна Грозного стал Борис Годунов, а уже в конце 1599 года его здоровье резко ухудшилось. Возникла необходимость в настоящем медицинском наблюдении. В связи с этим в 1600 году Борис Годунов направил в город Любек и "другие немецкие города за дохтурами" своего посла **Рейнгольда Бекмана** с наказом, "чтоб непременно в Любеке дохтурам промыслить". В результате в 1600 году на придворную службу была принята целая группа известных врачей из Любека, Риги, Кенингсберга. Всего же при дворе Бориса Годунова служило более 10 иноземных медиков и аптекарей, имевших дипломы лучших европейских университетов. Среди них были - Христофер Рейтлингер из Венгрии, Давид Васмер и Генрих Шредер из Любека, Иоганн Гилке из Лифляндии, Каспар Фидлер и Тимофей Виллис из Англии

Сложившаяся к концу XVI века организация деятельности придворных врачей радикально изменяется при царе Борисе Годунове. В 1600 г. он посылает своего переводчика **Рейнгольда Бекмана** в «немецкие города за докторами». В Риге **Бекман** уговорил ехать в Россию доктора Каспара Фидлера, уроженца Кенингсберга, о котором было известно, что он служил врачом герцогов курляндского и прусского, германского императора и французской королевы. Кроме Фидлера были приглашены доктора: Давид Фасмар и Генрих Шредер из Любека, Иоганн Хильшениус из Риги, а также студент-медик из Праги Эразм Бенский. Кроме того, на службу к Борису Годунову перешёл приехавший с английским послом Ричардом Ли врач Христофор Рейтлингер, венгр по национальности, «весьма искусный в медицине и сведущий в языках». Таким образом, одновременно к царскому двору на службу впервые было приглашено сразу шесть врачей. Всего же при дворе Бориса Годунова, с учётом аптекарей и хирургов, состояло более 10 иноземных медиков. Все они должны были в первую очередь заботиться о здоровье государя. «Царь держал их всех для того, чтобы они ухаживали за его персоной. - свидетельствовал Конрад Буссов, служивший при дворе Бориса Годунова. - Они не имели права лечить кого-либо другого, даже кого-либо из вельмож, если только тот не пойдёт на поклон к его величеству и не испросит его дозволения».